

Дейзи Вэнити

СЕРЕБРЯНЫЕ
ОСКОЛКИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В97

Вэнити, Дейзи.

В97 Серебряные осколки / Дейзи Вэнити. — Москва :
Эксмо, 2024. — 416 с. — (Очаровательное преступление).

ISBN 978-5-04-180684-2

Англия, 1857 год.

Лучшая шпионка во всем Лондоне Уинифред Бейл и ее возлюбленный, аристократ Теодор Дарлинг, вынуждены... скрываться. Ходят слухи, что они убили мистера Уоррена — самого влиятельного человека в преступном мире Лондона! — и не только унаследовали его империю, но и намереваются прибрать к рукам всю криминальную власть.

Чтобы выманить Уинифред и Теодора, кто-то похищает их бывшего приятеля. Но похитители не знают, что он предал своих друзей и не рассчитывает на спасение. Тем не менее Уинифред и Теодор готовы прийти на помощь, даже если это приключение будет стоить им жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180684-2

© Вэнити Д., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Si vis pacem, para bellum.
*Хочешь мира —
готовься к войне (лат.)*

Беседуй с ней теперь!
У изголовья сна
Стоит немая тень,
Как в блеске серебра.

*Альфред Теннисон
«Мод» (пер. А. Федорова)*

Пролог

Лондон, 1857

Вздыхнув, Стеллан пододвинул к себе карты по зеленому сукну ломберного стола. О возвращении домой теперь можно было и не мечтать — он только что выписал соперникам чек на остаток своего годового дохода, а теперь, если проиграет, и вовсе влезет в долги. Эви с ним даже не заговорит.

Стеллан понимал, что должен остановиться. Понимал, что вместе с новенькими соверенами и хрустящими чеками он выкладывает на игральный столик собственные честь и достоинство. Даже выиграв эту партию, поправить свое положение он уже не сумеет, только короткая волна удовольствия от одержанной победы подхлестнет его снова войти в игру. И за то, что азарт всякий раз оказывался сильнее воли, он презирал себя.

Он прекрасно осознавал, что уже давно проиграл. Но невидимая, смутно осязаемая сила заставила его подцепить большим пальцем истрепанные ребра карт и взглянуть на масти на лицевой стороне.

Сердце Стеллана упало. Он со щелчком опустил карты обратно на стол и криво улыбнулся товарищам по игре. Сегодня с ним в задымленном клубе играли трое — лорд Келлингтон и Лоусон с Доджем, раздевшие его до нитки.

— Готовы раскошиться, друзья? — с легкой улыбкой спросил Стеллан.

Внутренне он проклинал себя. Дурак! Зачем он только снова взялся за эти проклятые карты! Плохо было то, что он опять спустил все деньги на игры. Еще хуже — то, что эти деньги ему не принадлежали.

Чтобы спрятать болезненное разочарование, он глотнул из стакана плескавшийся на дне коньяк.

Додж взглянул на свои разложенные веером карты и заметил:

— Неужели и тебе наконец улыбнулась удача, Акли? Я-то думал, ты записался в благотворители.

Стеллан скрежетнул зубами.

— Не скалься раньше времени, Додж.

— По-моему, самое время. — Он с деланным равнодушием покосился на карты своего напарника, Лоусона, и перевел взгляд на Келлингтона, который составлял компанию Стеллану. — Хотя, пожалуй, благотворитель среди нас сегодня и правда есть.

Лорд Келлингтон лишь пожал плечами. Он прожигал деньги с уверенной беспечностью, доступной только очень богатым людям. Годовой доход Стеллана был для него всего лишь до нелепости высокой ставкой.

— Я благороден и даю ему возможность отыграться.

Лоусон усмехнулся, написал что-то мелом на сукне и тут же стер цифры рукавом.

— Надо же Акли на что-то содержать жену.

Они рассмеялись. Не улыбнулся только вечно невозмутимый Келлингтон.

Стеллан тоже выдавил улыбку и опустил голову. Какие же они ничтожества, все до одного. А он сам — хуже всех.

— Как это, «на что-то»? На твои денежки, Лоусон!

За столом снова негромко, но одобрительно прокатился смех. Келлингтон наконец удосужился взглянуть в свои карты — казалось, исход партии ему глубоко безразличен. Играли в трисет — кон делился между выигравшей парой. Но напарник настолько прохладно относился к деньгам, что

Стеллан невольно задумался: может, Келлингтон сговорился со своими друзьями и проигрывает намеренно, лишь бы насолить ему?

В конце концов, они так и не выиграли ни одной партии. Проиграли и на этот раз. Наблюдая, как Лоусон и Додж что-то подсчитывают, черкая мелом, Стеллан почувствовал облегчение. Наконец-то. Ниже падать попросту некуда.

Келлингтон сидел в кресле, откинув голову и опустив веки. Когда Стеллан встал из-за стола, он приоткрыл один глаз.

— Я рассчитаюсь за тебя, Акли, — негромко сообщил он.

Стеллан покосился на его руки. В манжетах сорочки Келлингтона сверкали новенькие бриллиантовые запонки.

— Будешь должен мне, а не этим болванам.

А Стеллан-то думал, что он уже на самом дне. Теперь он не понимал, чем расплачиваться хуже — деньгами или унижением.

— Спасибо, дружище, — поблагодарил он и отвернулся, чтобы снять с крючка на стене сюртук и спрятать горящее от стыда лицо. — Я все верну.

— Конечно, — рассеянно согласился Келлингтон.

Стеллан надел сюртук и, застегивая его на все пуговицы, повернулся к столу.

— Не останешься на ночь? — спросил Додж. Он старался подражать Келлингтону — спокойному, молчаливому, безразличному ко всему, — но природное любопытство всегда и везде брало над его потугами верх. — Может быть, тебя приютит какая-нибудь милая дамочка?

Проводить ночь в публичном доме у Стеллана не было ни желания, ни средств. Он планировал до рассвета шататься по улицам в опасной близости к Темзе и ее спускам — влажным и скользким от тумана. Будь его воля, он сейчас же вернулся бы домой, хоть никто его там и не ждал. Но сначала нужно было свыкнуться с новой, свежей ненавистью к себе.

Стеллан вспомнил было о доме Тедди на Керзон-стрит — небольшом, полном уюта и света переходивших из одной в другую комнат. Но дом уже два месяца был закрыт, а Тедди наверняка больше не чувствовал к Стеллану ничего, кроме ненависти и презрения.

Поэтому Стеллан уже раскрыл было рот, чтобы с бахвальством подтвердить, что да, именно так он и собирается провести ночь. Но его вдруг прервал Келлингтон:

— Если Акли хочет, чтобы я расплатился за него, он не станет делать ничего, что расстроило бы его супругу.

Келлингтон глядел на Стеллана с полным равнодушием. Можно было подумать, что в этот самый момент он не ставил ему ультиматум, а буднично сообщал, что на ужин будет подана треска под сливочным соусом. Но зеленые глаза Келлингтона, помутневшие от чудовищной лени, были раскрыты и глядели прямо на него. Сложно поверить, что высеченный из мрамора лорд Келлингтон когда-то сделал Эвелин предложение. Еще сложнее — что он до сих пор беспокоился о ней настолько, чтобы брать Стеллана под уздцы.

Вот только Эви вряд ли хоть сколько-то тронуло бы, что ее супруг с кем-то провел ночь. Она смотрела на него, словно на пустое место, и ничего унижительнее и придумать было нельзя.

— Разумеется, не стану! — с живейшей улыбкой заверил Стеллан. — Прогуляюсь немного и вернусь в клуб. Чудесная сегодня ночька!

Его трясло от ненависти к Келлингтону, от того, как явно тот выражал свое презрение. От того, что Келлингтон теперь имел полное право ему приказывать.

Лоусон перестал бормотать расчеты себе под нос и поднял взгляд с расчерченного мелом ломберного столика на окно, стекла которого пожелтели от табачного дыма. С конца августа в Лондоне стояла ужасная жара, но этим вечером наконец собрались тучи. Черные, толстые, похожие на про-

питанные чернилами куски ваты, они грозились с минуты на минуту обрушиться на город.

— Промокнешь до нитки, — предостерег Лоусон.

— Пустяки.

Стеллан заторопился к выходу, но в последний момент взглянул на Келлингтона. Тот лежал, развалившись в кресле. Ноги были широко расставлены, руки безвольно свешивались с подлокотников, но взгляд его неотступно следовал за Стелланом.

— Я вернусь.

Келлингтон не ответил и снова лениво смежил веки.

Стеллан вышел на улицу. Круглый силуэт луны желтой точкой разрезал тучи. Его повело, и он схватился за каменные перила, вскинув голову и глотая теплый вечерний воздух.

Стеллану не хватало кислорода. Он вцепился в собственное горло, судорожно дергая ленту галстука. В висках издевательски медленно и ритмично, словно намекая, что сердцу нет никакого дела до мыслей, роящихся в голове, стучала кровь.

Кто-то хлопнул Стеллана по плечу, и он, вздрогнув, опустил голову. Рядом стоял незнакомый мужчина.

— Все в порядке, — пробормотал Стеллан и склонился еще ниже.

Перед глазами плясала одна большая желтая точка — луна отпечаталась в глазницах. Он несколько раз медленно моргнул, и точка пропала.

Стеллан разглядел ботинки незнакомца — дешевые, изношенные, заляпанные грязью. Этот человек явно был не из клуба.

Рука на плече Стеллана сжалась, и он сделал первое, что пришло в голову, — полоснул незнакомца галстуком по лицу и ринулся вперед, преодолев ступени крыльца в два прыжка.

Но не успел он спуститься, как наткнулся на кого-то еще. Второй мужчина, поджидавший его у подножия лест-

ницы, грубо толкнул Стеллана грудью. Задыхаясь, он попятился, а потом ощутил поясницей острие ножа.

Хлынул дождь, и Стеллан обреченно опустил голову.

ГЛАВА 1

ПЕРЕЕЗДЫ И РАЗМОЛВКИ

Брайтон, 1857

Местная портниха уверяла, что ткани были доставлены в лавку напрямую из европейских салонов, но в растрепанной кромке Унифред узнала работу йоркширской текстильной фабрики. Образцы, которые были вывешены впереди, немного выгорели сверху и по краям — наверняка раньше они висели в самом дальнем уголке салона.

Ну и дрянь! Неужели нельзя было раскошелиться на лондонские новинки хотя бы в разгар курортного сезона? Да ни один человек, хоть что-нибудь смыслящий в моде, на это рванье и не взглянет!

— Замечательный муслин! — вслух прошебетала она и повернулась к Дарлингу. Тот разглядывал отрез с нелепым узором из стрекоз и бабочек. — Но я совсем недавно купила такой же. Какая жалость.

— Разве? — простодушно переспросил Теодор. — Ты ведь покупала небесно-голубой. Этот гораздо темнее, почти мазарин¹.

Портниха глядела на них с умилением, словно они были парочкой котят в соломенной корзинке.

Унифред с вымученной улыбкой возразила:

— С моим цветом волос было бы просто глупо носить такие темные оттенки.

¹ Темно-синий цвет с фиолетовым оттенком.

Теодор оставался глух к намекам Уинифред. Он примерился к образцу ткани за ее спиной и с важным видом кивнул.

— Ты права. Никакой это не мазарин, просто темно-синий. Хотя я совсем не вижу причин отказываться от покупки — по-моему, у тебя уже было платье похожего оттенка, и оно очень тебе шло!

Уинифред поджала губы. Почему-то познания Теодора ограничивались женской модой — сам он одевался словно балаганный шут.

— У меня еще остался отрез нужного вам цвета, мэм, — только что привезли из Парижа! — проворковала портниха, пятясь к прилавку. — Принесу сию же минуту!

Проводив женщину вежливой улыбкой, Уинифред посмотрела на Теодора.

— Я намекаю тебе, что ткани — суший кошмар! — сердито прошептала она, хоть губы и прыгали от рвущейся улыбки. — Вот, договорился — сейчас она притащит свое древнее тряпье!

— Ты ведь сказала, что муслин замечательный, — так же тихо ответил он. — Я подумал, тебе хочется его купить!

— Вот еще! Да я скорее пошью себе платье из этой драгни! — Она шелкнула ногтем по натянутому отрезу, который прежде рассматривал Дарлинг. — Она пусть и безвкусная до жути, но хотя бы новая!

— Правда? — просиял он. — Я как раз хотел купить пару ярдов себе на жилет!

— Ни за что на свете! — содрогнулась Уинифред. — Сейчас она принесет свою ткань, мы вежливо откажемся и уйдем. Хорошо?

Теодор вытянулся в струнку и кивнул.

— Понимаю. Ложь во благо.

Уинифред рассмеялась.

Вернувшись, портниха разложила на прилавке отрез фиолетово-синей ткани. Уинифред заметила, что в этот раз

у нее на плечах накинута измерительная лента. Неужели она полагает, что они столь же тупы, сколь и юны?

Сделав вид, будто внимательно изучает ткань, Уинифред раскатала отрез на прилавке и с задумчивым видом стала мять его пальцами, оставляя складки и с удовольствием наблюдая, как вытягивается и бледнеет лицо женщины.

— Замечательная ткань, — учтиво произнесла она, наконец наигравшись и отодвинув отрез. — Но, к сожалению, этот цвет мне совершенно не пойдет.

— Уверяю, вам любой цвет к лицу, мэм! — запротестовала портниха.

Уинифред довольно склонила голову, а Теодор задумчиво проговорил:

— Пожалуй, кроме оранжевого. В оранжевом тебя можно будет спутать с призраком.

— Правда? — сквозь зубы переспросила Уинифред. — Как интересно. Может, у тебя есть еще какие-нибудь замечания касаясь моей внешности?

— Думаю, светло-зеленый тебе тоже не стоит надевать, — поразмыслив, добавил он, не замечая, что Уинифред подбирается ближе, чтобы под подолом своего платья отдавить ему ногу.

Женщина за прилавком раскраснелась и, не отрывая глаз от Дарлинга, принялась поигрывать измерительной лентой. Видимо, потеряв надежду угодить капризной покупательнице, она решила переключиться на ее глуповатого спутника.

— У вас замечательное чувство цвета, сэр, — с придыханием сказала она, и Теодор ойкнул — Уинифред все-таки наступила ему на ботинок. — Думаете, вашей супруге пойдет мазарин?

— Моей супруге?.. А, моей супруге!

Он залился краской и принялся смущенно водить пальцем по лакированному прилавку. Уинифред опять опустила каблук ему на ногу.

— Ай! Нет, не думаю. Такой оттенок гораздо больше идет рыжеволосым дамам.

— Вот как?

Портниха разочарованно дернула кончик ленты. Уинифред погладила Дарлинга по ноге носком туфли.

— Что ж, может быть, тогда остановитесь на королевском синем?

— Не стоит, — голосом, полным глубокого разочарования, отозвалась Уинифред. — Думаю, он слишком темный. Меня можно будет спутать с *призраком*.

— Да, не стоит! — живо поддержал ее Дарлинг. — Эти отрезки какие-то старые — посмотрите, как они выгорели по краям! Правда, Винни?

Под взглядом остолбеневшей портнихи Уинифред выволокла Теодора на улицу и расхохоталась, зажимая рукой нос и рот.

— Тедди, а как же ложь во благо? — отсмеявшись, спросила она.

Продев руку Дарлингу под локоть, она повела его прочь от ателье — портниха продолжала пялиться на них через стекло витрины.

Теодор поглядел на Уинифред. В Брайтоне он перестал носить головные уборы и поплатился за это — его нос и уши сначала обгорели и облезли, а затем покрылись бледными веснушками.

— Решил, что ей все-таки захочется узнать правду, — заявил он. — Как иначе она сможет угодить своим клиентам?

Уинифред снова прыснула и хлопнула его по руке.

— Умница. Только в этот салон мы больше ни ногой.

Время близилось к обеду, и Стейн была оживлена — по улице прогуливались люди, по столичной привычке отчаянно желавшие показать себя. За это Уинифред ее и ненавидела, и любила. Модная, чистая и широкая — Стейн изо всех сил пыталась походить на лондонский Гайд-парк, где похвалялись всем, чем были богаты: французскими плать-